

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

(памяти ученого-этнографа Антона Казимировича Супинского¹)

В сентябре 1954 года Череповецкий учительский институт был преобразован в Череповецкий педагогический институт имени А. В. Луначарского. Изменился статус нашего вуза, его выпускники стали получать высшее педагогическое образование, но не стало исторического факультета, который существовал до преобразования института. Хотелось бы напомнить бывшим преподавателям и студентам Череповецкого учительского педагогического института и нынешним работающим или учащимся в Череповецком университете о славных именах людей, много сделавших на ниве науки и просвещения. Одним из них был преподаватель исторического факультета Череповецкого учительского института, первый кандидат исторических наук в нашем институте Антон Казимирович Супинский.

...Впервые о Супинском я услышала в Петербурге от своего научного руководителя Сергея Владимировича Фролова, заведующего кафедрой истории русской музыки Санкт-Петербургской консерватории: «А ведь у вас там работал один очень интересный человек — ученый-этнограф, из репрессированных — Супинский Антон Казимирович. Разве никогда не слышали о нем?». Всю жизнь живу в Череповце, интересуюсь его замечательными людьми, но о Супинском не знала.

Через некоторое время я случайно встретилась со своей двоюродной теткой — сельской учительницей Полиной Ивановой Соколовой. И в разговоре, вспоминая своего мужа, Николая Ивановича, участника войны, учившегося на историческом факультете Череповецкого учительского института, она назвала фамилию Супинского. Николай Иванович Соколов был очень дружен с Супинским, часто проводил у него вечера за чтением книг и разговорами. Вместе с ним Супинский ездил в этнографические экспедиции, разыскивал старинные сельскохозяйственные орудия² и даже вроде бы помогал Николаю Ивановичу написать какую-то научную статью об итогах этих экспедиций. Но за

давностью событий (с тех пор прошло уже 50 лет) название забылось, да и сама публикация потерялась в недрах семейных архивов...

Немало времени было потрачено мной на работу в библиотеках и в архивах. К счастью, удалось найти живущую ныне в Петербурге дочь Тараса Ивановича Осминского, бывшего заведующего кафедрой филологии Череповецкого педагогического института, Ариадну Тарасовну Суходолову-Осминскую. Она была ребенком, когда семьи Осминских и Супинских в послевоенные годы вместе жили в общежитии преподавателей Череповецкого учительского института. Маленькая Рина дружила с его дочерью, запомнила и самого Антона Казимировича. И то, что удалось узнать от Ариадны Тарасовны, приоткрыло удивительную судьбу человека, трагическую и прекрасную одновременно. Вот что рассказала она о Супинском:

«До войны Антон Казимирович работал в этнографическом институте в Ленинграде. Он тогда еще не защитил диссертации. В 1930-х годах он женился. Незадолго до его ареста, перед 1937 годом, родилась дочь. Он был сослан в лагерь³. Жена его умерла, а девочку взяли на воспитание родственники ее матери, которые жили в Москве.

В лагере с Супинским произошла удивительная романтическая история. Надо сказать, что он был очень хорош собой, даже после лагеря, когда я его увидела в Череповце, — высокий, статный, с пышной шевелюрой вьющихся волос, с прекрасными выразительными живыми глазами, очень общительный, веселый. Ему повезло, что он был определен в лагере для работы то ли при медпункте, то ли при библиотеке. И вот он познакомился с медсестрой, которая в него влюбилась. Эта женщина была замужем, имела дочь, и муж ее был не кто иной, как сам начальник лагеря! Можете себе представить, что это была за история, и как она могла кончиться для влюбленных! Но, видимо, судьба их хранила, он выжил, во многом, конечно, благодаря этой женщине. Когда подошел срок освобождения, они приехали вместе в Череповец, так как его новая жена была родом из Череповецкого района. Супинского приняли на работу в Череповецкий учительский институт на кафедру истории и, может быть (точно не знаю), филологии. Будучи ученым-этнографом, он устроился на работу еще и в Череповецкий краеведческий музей. Он с семьей жил в том же казенном доме, что и мои родители. Частенько вечерами я ходила в гости к Супинским, дружила с его приемной дочерью Галочкой. Ей тогда было чуть больше пяти лет. Она была маленькая, тоненькая, черноглазая. Антон Казимирович любил с нами возиться, вечно что-нибудь придумывал интересное.

Например, он развлекал нас историями о происхождении тех или иных слов и их превращениях. Играя таким образом, он мог из какого-нибудь «сапога» сделать «душеспасение». Этими играми он претворял в жизнь идеи «марристов». В то время в языковедении была очень популярна теория Н. Я. Марра, и Супинский был ее ярким приверженцем. Он был лично знаком с Марром, встречался с ним в этнографическом институте в Ленинграде и, как он нам рассказывал, произнес в его честь приветственную речь, высоко оцененную присутствующими за красоту слога.

Супинскому поначалу повезло в Череповецком институте. К нему хорошо относился тогдашний его директор Царев, который поддержал научные изыскания Антона Казимировича, дал «добро» на его работу над кандидатской диссертацией. Супинский за один год подготовил диссертацию и в 1947 году защитил ее в своем родном Ленинградском государственном институте этнографии⁴.

Но в Череповце на кафедре истории над Супинским стали сгущаться тучи. Заведующий кафедрой был партторгом института. И, к сожалению, как некоторые из людей того времени, желал выслужиться перед партийным руководством, разоблачив инакомыслящего. Личность Супинского уж слишком не вписывалась в предназначенные ей рамки. Видимо, лагеря его ничему не научили: ни почтению к начальству, ни осторожности. Он, как и прежде, был остер на язык, говорил все, что думал о политике, не соглашался с линией партии. Между партторгом и Супинским возникла личная неприязнь, было организовано «дело», и Антону Казимировичу пришлось уйти из института⁵. Некоторое время он еще работал в краеведческом музее, а в 1949 году вместе с семьей уехал из Череповца.

Когда началась реабилитация несправедливо репрессированных в 1930-х годах, ему с семьей было разрешено вернуться в Ленинград. Они жили где-то на Фонтанке. Кажется, он работал некоторое время в этнографическом институте⁶, но вскоре умер. Это случилось примерно в 1956 или в 1957 году. К сожалению, наша семья потеряла связь с семьей Супинского, и мы узнали о его смерти уже спустя несколько лет от общих знакомых. Ненадолго пережила его и жена. Неизвестно, как сложились судьбы его дочерей — родной (кажется, ее звали Ирой) и приемной, Галины. Живы ли они?».

В ходе изысканий в Российской национальной библиотеке в Петербурге мне удалось найти публикации работ А. К. Супинского в журнале «Советская этнография», в редакции которого он работал с 1932 по 1937 год. Благодаря помощи и личному участию Александра Михайловича Решетова, автора книги о

репрессированных этнографах, мне был разрешен доступ в архив РАН. Сотрудница архива О. В. Иотко по его просьбе нашла личное дело А. К. Супинского, многие годы не выдававшееся исследователям. Приведем анкетные сведения из этого документа, который представляет собой стандартную папку-скоросшиватель темно-синего цвета с вложенными в него пронумерованными листами, заполненными от руки фиолетовыми чернилами. В личном листке записи сделаны рукой Супинского. Отдельные аббревиатуры, понятные в 1930-х годах, не удалось расшифровать из-за многочисленных переименований учреждений и даже их упразднения за многие прошедшие годы.

«Антон Казимирович Супинский, штатный научный сотрудник II разряда ИПИНа⁷.

Родился в 1896 году в деревне Достаево Пинского уезда Минской губернии. Окончил педагогический и арх. институт в 1922 году. Национальность — белорус. Гражданин СССР. Военнообязанный, состоит на учете в Ленинградском областном военном комиссариате. Беспартийный. Профсоюз: член Союза Раб. с 1919, член СНР с 1928 года. Иждивенцы: двое. Научный работник-этнограф. Адрес: Ленинград, пр. К. Либкнехта, д. 72, кв. 15. Должность в АН: заведующий белорусским сектором ИПИНа. Вне АН — ГАИМК.

Работа до революции — народный учитель Семеховичской школы Пинского уезда, также в деревне Дятловичи Пинского уезда. В 1915 году досрочно призван в армию. Вступил добровольцем в 1-й витебский полк. С 1918 — 1919 г. назначен комендантом <...> горки, а затем и 4-го района г. Витебска. По демобилизации перешел на подработку, которую также совмещал со службой в РККА. Работал в обществе «Долой неграмотность!» города Витебска в качестве члена окружного правления.

Дата заполнения — 12 декабря 1930 года».

...В архиве Череповецкого краеведческого музея хранятся две пухлые папки с фольклорными материалами, собранными Антоном Казимировичем Супинским. За два года жизни в нашем городе он сделал очень много для сохранения традиционного крестьянского фольклора. Но в суете будней за 50 лет так пока и не удалось исследовать и систематизировать данные экспедиций Супинского. Не обнаружены сведения о них и в литературе по вологодскому фольклору. Эти, видимо, так и не опубликованные Супинским материалы теперь бесценны, поскольку неумолимо изменяется образ жизни людей, и каждый год уходят навсегда носители подлинной крестьянской культуры нашего края... Очень хотелось бы, чтобы после выхода в свет этой статьи отозвались

раз, а другие и вовсе не танцевали. Подобравшиеся для танца четыре пары выходили на середину избы и становились крестообразно — «вдоль полу и поперек полу». Сначала шли две пары навстречу одна другой с пением частушек (к сожалению, содержание этих частушек уже забыто), затем обе пары поворачивались и проходили каждая на свое старое место, где и останавливались. Если танец начинали пары, [двигавшиеся] вдоль пола, то их сменяли пары, [двигавшиеся] поперек пола, которые точно так же проходили только один раз и останавливались на своем старом месте, т. е. [возвращались] в исходное положение. Движение крест-накрест составляло первый этап «игры», ее первую фигуру. Оказавшись в исходном положении, каждый парень подавал руку девушке из соседней пары и вместе с ней шел уже по кругу, а его девушка подавала руку [парню] из другой соседней пары и также шла с ним по кругу, но уже в противоположную сторону. Таким образом, две новые пары двигались по кругу и по солнцу, а [две] другие — против солнца, но также по кругу. Двигаясь по кругу, каждый парень проводил с собой не свою, а чужую девушку, проводя ее до исходного места, а сам становился на свое исходное место. Из этих двух фигур и состоял старейший вариант «игры» в «ленчик».

Наблюдая его со стороны, нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство: танцующие «ленчик», сочетая две фигуры танца, воспроизводят трудовой процесс основания кросен, при этом первая фигура, выполняемая крестообразно расставленными парами, символизирует орудие снования — сновальню, а вторая фигура — вращение этой сновальни в процессе снования кросен. Следовательно, это старейший вариант «ленчика» следует рассматривать как пережиток производственного танца, имевшего магический смысл.

Игра в «ленчик» открывала развлечения молодежи на веселых беседах. За ним следовали другие игры, в их числе вторая излюбленная игра «баран». Если при игре в «ленчик» работу оставляли только танцующие, то игра в «баран» требовала всеобщего прекращения работ. Все участники игры садились по скамьям парами. Выделялась одна пара, которая вела игру. Эту пару называли «старостой» и «старостихой». Роль ведущей игру пары сводилась к следующему: она обходила по очереди сидевшие пары, при этом «староста» обращался к девушкам, а «старостиха» — к парням с одним[и] и тем[и] же вопрос[ами]: «Люб ли барин?»; «Люба ли барыня?». Если говорили: «Не люба», то тут же называли ту, которая люба, и ее к нему подводили. Та, что не люба, поднималась и уходила на место любой, а последняя занимала освободившееся место.

Следующей излюбленной игрой взрослых на веселых беседах была игра «горе». Состояла эта игра в следующем: инициатор игры уходил из переднего угла к двери и оттуда заявлял: «Пришлите мне

Анну!». Вызванная девушка к нему подходила. Если вызвавший ее парень был ей люб, она оставалась с ним для беседы. Если же он не был люб, она сейчас же вызывала любого, а вызвавший уходил на свое место, несколько сконфуженный. Оставшаяся у двери девушка вызывала себе любого, обычно своего постоянного кавалера. Бывало так, что оставшаяся у двери пара задерживалась там дольше положенного, что вызывало нетерпение других, в таких случаях кричали им: «Горе-то» потерялось! Пришлите другое!». Тогда шел второй парень, который так же вызывал себе любую девушку. Кончалось тем, что у двери скоплялось значительное количество пар. В таких случаях говорили, что «в углу собралось большое "горе"». Если какую-либо девушку обошли и ни разу не вызвали ее в "горе", это считалось большим позором для нее, собственно означало, что она последняя девушка в деревне, которой парни не интересуются.

1948.

Малые беседы

Малые беседы устраивались отдельно от больших для подростков в возрасте от 7 до 14 лет. Устраивались они по очереди в домах, где были девочки соответствующего возраста. Собирались сюда не только девочки со своими прялками, но и мальчики их же возраста. Таким образом, малые беседы воспроизводили большие, были их копией. Здесь также было принято рассказывать сказки, петь песни, были и свои игры. Наиболее любимой игрой считалась игра, которую называли «шить шубу».

Состояла эта игра в следующем: когда девочки уставали прясть, работа прекращалась, все садились на пол в круг. Ноги сидевших не соприкасались, т. е. в центре круга оставалось значительное свободное место. В этом свободном месте оставался лишь тот, кому собирались «шить шубу». Сидевшие в круг несколько подгибали ноги, так чтобы колени оказались поднятыми, а под коленями были бы «ворота». У одного из сидевших в кругу было в руках свернутое жгутом и сложенное вдвое полотенце, которое быстро и незаметно пропускалось под коленями по кругу. Находившийся в кругу должен был быстро обнаружить полотенце и поймать его. Если он бросился на поиски в ложном направлении, то лицо, у которого в данное время находилось полотенце, крепко стегал его сзади и мгновенно пускал полотенце дальше по кругу. Горе было тем, кто не отличался особой поворотливостью, его иногда избивали до слез. Если же, наконец, ему полотенце удавалось все же поймать, то в круг на его место шел тот, у кого полотенце было обнаружено. Игра начиналась снова.

1948.

Масленица

Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор.
Сообщила Соловьева Е. А.

На Масленой неделе мясная пища уже не употреблялась. В первые дни Масленицы обязательными блюдами были рыба и «пряженики», т. е. большие оладьи из пшеничного теста, которые жарились только в растительном масле. В домах, где были «молодые», т. е. вступившие в брак на святках, приготовление пряжеников было не только обязательным, но и необходимым. Вторая половина Масленицы изобиловала приготовленными рыбными блюдами, в частности из снетка. Пекли закрытые пироги-рыбники, запекали снетка в латке, заливали яйцом и молоком и т.п. Если у кого на Масленице не бывало рыбы, про таких «судили»: «Ох, какая у них бедная Масленица». Вечером в воскресенье на Масленой неделе молодежь по деревне собирала старые лапти, веники, деревянную посуду и т. п. Все это выносилось за деревню или на площадь в деревне, если такая площадь была. Здесь собранный хлам укладывался конусообразным костром. Этот костер зажигали с наступлением темноты. Вокруг костра водили «карагоды», пели песни. После того как костер прогорал, употребление молочной пищи запрещалось. Говорили: «Молоко сгорело, улетело с дымом».

1947.

Свадебный обряд

Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор.
Сообщил[и] Марья Андреевна Смирнова и Жукова А. П.

Сватами со стороны жениха бывали его дядя, или тетя, или сестра. Сначала отправлялся кто-либо один, чтобы разузнать, не будет ли отказа. Подобная «разведка» была очень важным делом, так как она предупреждала «позор», о котором будет сказано в дальнейшем. Если родители невесты — ее отец и мать — соглашались выдать дочь, сваты получали «задаток» в виде платка или какой-либо другой вещи. После того как задаток дан, невеста уже не могла взять обратно свое слово.

Придя в дом невесты, сват молча проходил «в чулан» (кухню, помещение за печью), подходил здесь к шестку, брал нож-косарь, который обычно лежит на шестке, начинал помешивать горячие угли в «жерятнике», чтобы заставить их разгореться (говорят: «чтобы в жерятнике шаяло»). Там же, у шестка, сват отряхивал ноги от снега. После того он возвращался в избу, крестился на иконы в передний угол и здоровался с хозяевами. Начинался примерно

следующий разговор: «У вас есть невеста, а у нас жених. Пойдет ли невеста за нашего жениха?». Именно в этот момент при согласии невесты получали задаток. Если же жениху отказывали и сваты возвращались ни с чем, наступали самые неприятные для жениха дни. В первую же ночь девушки всей деревней ставили перед «лазейкой» (дверь, ведущая с крыльца в сени) высокую жердь, к которой подвешивали соломенную куклу с льняными волосами, одетую в тряпье. Жениху ставили перед дверями столько жердей, сколько отказов он получил при сватовстве. Иногда жердь не ставилась, а куклу привязывали к скобке «лазейки».

Если сватовство было удачным, то по уговору с родителями невесты приходили, кроме сватов, сам жених и его родители. Приходили они не с пустыми руками, а приносили с собой вино. Пирог должна была испечь невеста. Перед тем как сесть за стол, отец невесты зажигал перед образами свечу, все молились, а затем невесту и жениха благословляли иконой. Последние уже садились за стол как молодые. Этот день в свадебном обряде выделяется особым названием — «богомолье» или «образование». С этого дня родители жениха и невесты называли друг друга сватами. В день «образования» родители молодых договаривались между собой о дне свадьбы, приданом и о дарах родне жениха. Дары выговаривались почти всей родне жениха, включая «божат», т. е. крестных отца и мать. Приготовлять эти дары помогали невесте ее подруги, причем все это делалось совершенно безвозмездно. Дары состояли главным образом из полотенец, платков, рубах, юбок, полотна.

В канун свадьбы готовили постель — приданое невесты. Это называлось «оздоблять (украшать) постель невесты». Девичники на памяти рассказчиц уже не справлялись, причем они утверждают, что девичники у них вообще не устраивались.

<...>Перед тем как ехать с постелью, одна из подруг невесты топила баню для невесты. При этом топившая баню, закрывая печь, не должна была «колотить головешек в печи», чтобы в будущем муж не колотил свою жену. Когда баня была истоплена, подруги вели невесту мыться. Вместе с ней мылись и подруги, но никто другой из членов семьи в этот день в бане мыться не мог. После бани сразу же собирали стол и угощали подруг. Подруги же после ужина отвозили ее постель в дом жениха, где их угощали допьяна.

Примечание. В Весьегонском районе постель везли на себе три женщины, которые впрягались в сани и на которых были подвешены колокольчики. Четвертая женщина лежала на постели в санях с ребенком. Привезенную постель встречал жених и выкупал ее, поднося подарки. Жених же выпрягал женщин из саней, снимал с них колокольчики, подвешивал их к глоблям. Эти сани с колокольцами так и оставались на дворе до дня свадьбы.

В день свадьбы утром за невестой посылали так называемых «передних дружек». Их было двое, и ехали они непременно в одноконной упряжке. Следом за ними отправлялся «подвезиха», но уже обязательно в пароконной упряжке. Подвезихой бывал один из ближайших родственников жениха, непременно мужчина. Впоследствии он отвозил невесту к венцу.

Приехавших передних дружек встречает родня невесты, подносит им вино, пиво, пирог, угощает, а затем вводит в дом. В это время невеста сидит за столом с закрытым лицом, причем платок опущен так, что лица ее совершенно не видно. Рядом с ней с одной стороны сидела причитальщица, а с другой — сваха, она же крестная мать невесты, ее божатка, а затем подруги. Дружки подходили к свахе, чтобы выкупить у нее невесту. Обращаясь к ней, они трижды произносили: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас!». Сваха сидела молча, зажмурив глаза, притворяясь также и глухой. Дружко продолжал:

*«У меня, у дружки, ноги не клюшки,
Руки не загребушки, голова с поклоном,
Ноги с подходом...».*

Он подавал свахе пряженики и хворосты, т. е. тонкие белые сухарики и говорил:

*«Что женихом послано, малое примите,
За большое почтите...».*

Сваха все молчит, сидя с закрытыми глазами. Тогда одна из подружек невесты заявляла: «Что вы, немазанные, привезли!». Дружко бросал на стоявшее перед невестой блюдо две «серебрушки». Сваха все молчала. Девушка продолжала: «Мало! Мало! У свахи еще глаза не глядят и язык не говорит. Вы бы положили рубликов семь, чтобы было любо всем, тогда бы и сваха заговорила, а то бросили две серебрушки — жених ведь не собирать ходил». Дружко начинает бросать рубли с важным видом и, обращаясь к свахе, заявляет:

*«А ты, сваха, немытая рубаха,
Стан толстой, так перед нами постой...».*

Сваха вставала, но продолжала молчать с закрытыми глазами. Девушка говорила:

«Выкупи глаза и язык!».

Дружко:

*«Надо сваху в кузницу свести,
Язык наварить, так станет говорить».*

Девушка: «Язык наварить вам надо, дружки дорогие, а не в кузницу вести». Дружко и его помощник-полудружье продолжают бросать деньги примерно так: дружко — три рубля, полудружье — один рубль. Девушка: «Что вы кидаете так? Сваха-то у нас не кривая, что же разное кидаете?». Дружко и полудружье начинают бросать деньги одинаковой стоимости, чтобы выкупить глаза у свахи. Сваха открывает глаза, но не принимает [ни] пряжеников, ни хвороста, ссылаясь на то, что они не мазаны. Дружко и полудружье начинают «мазать» пряженики, т. е. продолжают бросать деньги. После того дружко подносит свахе пряженики, а полудружье — пиво, которое та принимает, но требует, чтобы на пиво «навели пену», т. е. бросили бы в ендову несколько серебряных монет. После того сваха, в свою очередь, подает дружке вино и требует платы за вино от жениха. Потом такую же плату от жениха за невесту и т. п., пока не отдадут все деньги, которые дал жених дружке для выкупа невесты. Бывало и так, что дружка израсходует все деньги жениха и еще своих добавит. Это в том случае, если дружко тароватый. Скупой же дружко норовит на всем сэкономить, так как остатки денег, полученных им от жениха на выкуп невесты, шли в его пользу.

Невесту наконец выкупили. Девушки выходят из-за стола, выводят и невесту. Подходят родители невесты и благословляют ее к венцу. Начиналось одевание невесты. Одевали ее подруги при участии полудружья. Последний брал ее «оболочку» (верхнюю одежду), три раза ее встряхивал и трижды же обносил вокруг невесты прежде чем помочь надеть ее. Одетую невесту выводили из дому и усаживали в сани к «подвезихе». Когда невеста выходила, чтобы сесть в сани, подружки разметали ей дорогу от стола в избе и до саней. Вместе с невестой в сани садились сваха и ее брат, а если последнего не было, то кто-нибудь из родичей, который в данном случае получал название «подручника». Сваха и подручник выводили невесту из сеней и проводили в церковь до аналая. Сразу же после венца невесте надевали «бабий» головной убор. Это значит, что ей заплетали две косы (девушки носили волосы в одну косу), укладывали их на затылке при помощи гребенки и шпилек. Поверх «накосок» надевали головной платок.

Из церкви ехали «столовать» в дом жениха. Молодых встречали родители жениха с хлебом, солью, вином и пивом. Молодых вводили в избу. Здесь родители жениха еще раз благословляли их и усаживали за общий стол на шубу шерстью вверх. Усаживались и

родные молодых. Тут уже хозяином стола был тысяцкий — крестный жениха, который возил его в церковь. Тысяцкий сидел за столом «под рукой у жениха», а «под рукой невесты» сидела сваха. Возле свахи — мать невесты, возле тысяцкого — отец невесты. Дальше идут другие лица из родни невесты. Родня жениха больше стоит и угощает родню невесты. После первых поздравлений, собственно пожеланий, произнесенных в форме тоста, приступали к еде. Через некоторое время жениха и невесту уводили в отдельную комнату, где их кормили особо. Там уже кормила их свекровь. Ели молодые из одной общей чашки, но у каждого ложка была своя. После еды молодые переодевались и выходили к общему столу, за которым шел общий основной пир.

К вечеру «ладили» молодым постель, как правило, на сарайке, т. е. на чердачном помещении двора, где у севернорусских строилась клеть. Кто-нибудь уходил на сарайку раньше молодых и занимал их постель, которую жених должен был выкупить, после чего занимавшее ее лицо уходило. Молодой садился на постель, и молодая должна была разуть ему одну ногу, а вторую разувал уже сам молодой. В правый сапог перед этим он клал деньги. Если молодая снимала этот сапог, то деньги переходили в ее собственность, в противном же случае она разувала его «задаром». Первым в постель должен был лечь молодой, а потом уже пригласить молодую. Такой порядок обещал счастливую супружескую жизнь. Если же первой в постель ложилась молодая, то это означало, что жизнь супругов будет тяжелой. Часто можно слышать следующее выражение пожилых, несчастливых в супружеской жизни женщин: «Откуда я буду хорошо жить? В постель меня муж не звал, сама легла». Тревога за счастливую супружескую жизнь сказывалась еще раньше, за столом, когда молодой полагалось сидеть молча и ни на кого не глядя, даже в том случае, если ее старались вывести из этого положения шутками по ее адресу, вроде, например, замечаний: «У твоей жены шея стальная и голова не ворочается».

Наутро молодых будили. Приведя себя в порядок, молодые входили в избу, и молодая приступала к раздаче даров родне мужа. Ее родня наряжалась «кудесам», т. е. входила в избу в качестве ряженых. После раздачи даров молодую заставляли подметать пол в избе, а родня с обеих сторон следом за ней сорила, бросая вместе с мусором деньги. Подобренные деньги шли в пользу молодых. Метение пола продолжалось долго, и другая недогадливая метет пол до полудня. Находчивая же подходила с веником к мужу и просила, чтобы он ее выкупил, при этом кланялась ему в ноги. Муж выкупал, веник от нее брали другие и продолжали мести пол, подбирая деньги в пользу молодых. Муж выкупленную жену отводил к столу, где они садились завтракать.

Отводины

Отпировав в течение двух-трех дней в доме молодого, «столованье» переносилось в дом родителей молодой. Здесь уже за столом сидела главным образом родня молодого, а родня молодой ее угощала. Молодые сидели за столом вместе с ее родней. В процессе угощения зять подносил теще подарок за жену. Делалось это так: тещу подзывали к рюмке. Зять вставал и подавал ей платок. Если молодая до брака была девственницей, платок подавался в развернутом виде, а зять при этом говорил: «Благодарим, мама, за Ольгу Ивановну». В противном случае платок складывался вчетверо, вырезалась в нем середина и в скомканном виде зять молча подавал его теще.

ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗЕМЛЕДЕЛИЕМ, ЖИВОТНОВОДСТВОМ И ПТИЦЕВОДСТВОМ, ВЕРОВАНИЯ

(Ф. 9. Оп. 21). 1949 г., 50 л. (ксерокопия)

Русские. Вологодская область. Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор. Сообщила Жукова А. П.

Зажинки и дожинки

Отправля[ясь] на полосу зажинать рожь, непременно брали с собой хлеб и соль, которые на полосе не съедались, приносились вечером домой, и с ними ужинала вся семья. Зажинать ходила только «большуха» (старшая хозяйка в доме). Мужчины зажинать рожь не ходили. Они могли включиться в жатву только на другой день.

Прежде чем начинать жать, большуха срезала три «волоки» (стебля) и говорила: «У тебя не болит и у нас не болит» (имелись в виду вышедшие на жатву члены семьи женского пола). Делалось это для того, чтобы в будущем, во время работ, не болела «поясина». С этой же целью большуха опоясывала себя этими «волоками», и они находились на ней, пока не потеряются. Снимать с себя этот соломенный поясок не разрешалось, но его не искали, когда он терялся. После того начинали жать до тех пор, пока не нажнут на овин, то есть примерно 30 — 35 суслонов, урожай с которых непременно оставался на семена. В первый день разрешалось жать только до заката. Как только солнышко подходило к закату, работу прекращали. Работать от темна и до темна разрешалось лишь со следующего дня («работали, пока руки видать»).

Заканчивая уборку озимых, большуха оставляла на краю полосы несколько «волоков», вершины которых связывали в узелок, говоря:

«Коню голова — Николе борода». Эти «волоки» обкладывали на земле небольшими пучочками сжатой ржи, которые укладывались четырехугольником со словами: «Девки, кувыркайтесь через голову и говорите: ржаная жнива, подай мою силу на яровую жниву», Полагалось всем кувырнуться три раза и обязательно через голову.

Уборка яровых

При уборке яровых зажинок уже не справляли. Заканчивая уборку яровых, большуха делала маленький снопик из последних колосьев в горсть величиной для закормки скота на зиму. Эту закормку проводили в день Покрова, когда большуха брала снопик, шла с ним во двор и понемножечку давала из него есть всем животным. Только после закормки из этого снопика разрешалось давать обычный корм.

Снопик, который называли «пожинальник», несли домой с поля с большой осторожностью, как равным образом с такой же осторожностью и готовили его, именно: заканчивая жать яровые, выбирали такое место на полосе, где, скажем, овес не спутан и не лежал. На этом месте большуха с большой предосторожностью брала горсть стеблей, подрезала их, чтобы «брунь о брунь» (колос о колос)⁹ не стукнулась, не задела бы друг друга, иначе в стаде будет утрата. Сжав эту горсть, большуха брала из нее три «волоки» и связывала ими снопик-«пожинальник», который она несла под мышкой непременно брунью вперед. Дома он ставился в передний угол.

Там же на месте еще до возвращения с поля домой, после того как был связан «пожинальник», большуха вязала маленький веничек из веток лиственных деревьев. По возвращении домой этим веничком обметали стены, потолок, лавки, мели пол со словами: «Мухи-блохи, ступайте вон! Была вам воля, теперь нам дайте покой». Кончив подметать, веник выбрасывали в открытую дверь. За уборкой избы следовала подготовка к ужину, в число блюд которого непременно включался «саламат», то есть овсяная каша с маслом животным или растительным. В другое время саламат никогда не варился, если не считать обряда укладки матицы на новую избу. Ужин носил праздничный характер, был обильным, обязательно с вином, пивом и чаем. Кроме семьи, в ужине участвовали званые гости.

Одновременно с жатвой шла и молотба хлебов на гуменнике. Оба вида работ подгоняли так, чтобы закончить их примерно в одно и то же время. В общем полагалось, чтобы «пожинки» и «помолотки» совпали. Молотили хлеба коллективом, сговариваясь четырьмя-пятью хозяйствами по очереди на каждом хозяйстве. Как правило, обмолот проводился вручную «молотилами» (цепами). Конных молотилок было в деревне мало. Только богатеи пользовались ими, так

как за обмолот на молотилке их владельцы брали довольно значительную плату. Когда кончали обмолот, совпадавший с дожинками, тогда и устраивались ужины с саламатом. Участники обмолота и были первыми гостями на «помолотках», также справлявшихся по очереди. Поэтому совершенно понятно, почему богатый ужин в каждой отдельно взятой семье, приуроченный к окончанию молотбы, назывался «помолотками», а в общем все пиршество, связанное с переходом из дома в дом, называлось «гулянкой».

1948.

Земледельческая обрядность

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор. Сообщила Жукова Александра Петровна (74 лет).

Лен могли засеять только мужчины. Женщинам лен засеять не разрешалось, «а то лен низкий будет». Засевщик льна готовился к этому заранее. Перед тем как идти на поле на засев, ему варили вкрутую яйца, которые он брал с собой. Перед тем как приступить к засеву, засевщик раздевался донага, затем подбрасывал, стоя на полосе, яйца кверху, возможно повыше, чтобы «лен такой высокий рос». Упавшие яйца подбирались, очищались, и засевщик должен был съесть их до того, как начинался засев. После засева, произведенного мужчиной, дальнейшие работы по посеву льна могли уже производиться и женщинами.

Лен пололи в лето один раз, когда он подрастал, «был в четверть». Уборка производилась поздней осенью. Выдержанный лен вязали маленькими снопиками и ставили десятками, выдерживая его в поле до тех пор, пока головки не просохнут. Снопы свозились с поля на гуменник и сушились в овине, а затем их обмолачивали специальными ручными колотушками. Обмолоченный лен расстилали на мягком скошенном лугу тонким слоем, где он лежал до семи недель в сухую осень и до пяти недель в дождливую, т. е. пока не отскочит «прядь» (прядь). После того лен снимали и перевязывали большими «вязанками» (снопами), переносили в овин, снова сушили, а затем мяли на ручных мялках. Мятый лен очищали от костры «трепалами», «щетью» и уже вязали маленькими десяточками. В таком виде лен поступал к пряхам. Пряли все, начиная с семилетнего возраста. Пряли у себя дома и ходили «на посадку», или «беседу», к одному из соседей.

Освящение коровы

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор. Сообщила Жукова Александра Петровна (74 лет).

Освящение коровы проводилось спустя десять дней после отела. Говорили: корову нужно святить после двадцати удоев, считая только утренние и вечерние удои (дневные в счет не идут). В течение этих десяти дней молоко в пищу не употреблялось, считалось негодным. Оно полностью выпаивалось теленку. А в случае остатков — выливалось в поило корове.

В день освящения коровы хозяйка наливала в подойник теплой воды, снимала с себя нательный крест, опускала его в эту воду, закрепляя гайтаном (шнурком) на ручке подойника. Затем она брала негодный глиняный сосуд или даже часть его (крупный черепок), клала в него горячие угли, поверх углей — собранную со всех углов паутину, а поверх последней — богородицыну травку. Этой травкой раньше специально торговали, обычно женщины, разносившие ее по деревням. Кроме всего этого, хозяйка брала с собой и бутылочку со «святой» водой, которую держали в запасе на божнице со дня крещения, когда эта вода набиралась из проруби после водосвятия.

Придя во двор, хозяйка сперва мыла корову, вымывала ей хвост, спину, бока, «рыло» (морду). После того обходила ее трижды с дымящимся черепком, каждый раз поднося к «рылу», чтобы «корова больше понюхала». Освящение заканчивалось кроплением коровы и теленка «святой» водой. С этого дня молоко считалось чистым и годным в пищу. Интересно, что обряд освящения коровы мог выполняться только старшей хозяйкой в доме — «большухой». При исполнении обряда могли присутствовать только женщины — члены семьи. Присутствие мужчин не допускалось.

1948.

Рождественская восковая свеча

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор. Сообщила Жукова Александра Петровна (74 лет).

Рождественскую восковую свечу называют еще «свеча от иконы». Она изготовлялась перед Рождеством. Она делалась довольно большой и толстой. С этой свечой стояли в церкви в Рождество, в Крещенский сочельник на малом водосвятии, в пятницу и субботу на Страстной неделе Великого поста и в Пасху. В остальное время

она хранилась за иконами. С ней обходили на «Ягорья» стадо, ею же пользовались и в других случаях. Так, если из хлева вырывались телята и их никак нельзя было загнать во двор, их обходили со свечой, и они покорно шли на свое место.

Если от стада отбивались коровы и оставались на ночь в лесу, их ходили искать, взяв с собой свечу. Это спасало коров от хищников и помогало найти их.

1948.

Приметы, связанные с животноводством

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор. Сообщила Жукова Александра Петровна (74 лет).

Если купишь корову и хочешь, чтобы она не тосковала по старому двору, нужно соблюдать следующее: когда берешь корову во дворе ее бывшего хозяина, нужно взять навоза, только из следа этой коровы и перенести этот навоз на свой двор. Когда приведешь корову к себе во двор, то переведи ее через свой пояс, который нужно раскинуть в воротах двора у порога. После этого корова в старый двор ходить не станет.

1947.

Окуривание стада

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Починковский с/с, д. Воронино. Сообщил Вихрев Михаил.

В Иванов день, 24 июня по старому стилю, все население собралось вместе для окуривания стада. Это окуривание проводилось следующим образом: мужчины добывали «живой» огонь. Путем трения двух палок, выломанных из колосников овина, разводили костер. Чтобы обеспечить успех в добывании огня, предварительно проверялись печи в избах и обнаруженный там огонь «обыкновенный» гасился. Когда костер был зажжен, приходил священник, служил молебен, кропил стадо «святой» водой, а затем оно прогонялось через дым от костра. Через этот же дым проходили и люди, чтобы оградить себя в будущем от болезней.

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Петропавловский с/с, д. Рураково (Печеньга). Сообщил К. К. Морозов.

Обетные животные

В приходе Пречистая в храмовый праздник Пречистой (осенью) приносили в жертву овец, откормленных по обету. Мясо убитых животных продавалось, а вырученные деньги поступали в церковь.

В Кирюгском с/с Чарозерского района приносили в жертву Петру и Павлу обетного теленка или ягненка. Убитые обетные животные продавались, а деньги передавались в церковь. Приносились эти жертвы для того, чтобы скот был здоров.

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Петропавловский с/с, д. Королево. Сообщила Комирина.

Жертвы Илье Пророку

В Ильин день на местный храмовый праздник приводили к церкви иногда до двенадцати животных — откормленных по обету быков. Это так называемые чистые бычки. Здесь их кололи, причем шкура оставалась хозяину, сбой поступал в пользу причта, а мясо продавалось присутствующим в церкви прихожанам за деньги, нередко поступавшие в пользу церкви. Приобретенное мясо варилось тут же на кострах у церкви и съедалось. Подобные обычаи соблюдались также и в деревнях Куприянове, Желунове, Соколиках. В деревне Большая Печеньга выполнение подобного обычая имело место еще и после Октябрьской революции. По местным преданиям, этот обычай возник давно как средство защиты от падежа скота, а по другим сведениям, как средство защиты животных от хищников.

Первый выгон скота

Русские. Вологодская область, Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. Большой Двор. Сообщила Жукова Александра Петровна.

В чистый четверг на Страстной неделе поста «большуха» (старшая хозяйка в доме) пекла «каравашек». Это ржаной хлебец совершенно круглой шаровидной формы. Его пекли из квашеного теста, тщательно заглаживая поверхность, чтобы в печке не потрескался. С этой целью, прежде чем посадить каравашек в печь, его мазали маслом. Испеченный каравашек прятали в укромном месте, чтобы дети не съели, он высыхал и в таком виде хранился до «Ягорья».

В Егорьев день вставали рано, до солнца, и в первую очередь «закармливали» кур и лошадь овсом. То же касается коров и овец, их «закармливали» вместе, непременно после обедни и «обхода» во дворе. Этот обход выполнялся следующим образом: хозяин дома — «большак» — одевал «оболочку» (верхнюю одежду), опоясывался,

засовывал за пояс топор — «так в лес мужики ходят», брал решето, в которое клал каравашек с прикрепленной к нему свечой от иконы¹⁰, яйцо, вербу, освященную в Вербное воскресенье. Собрав все это, большак вместе со всей семьей шел во двор, где выпускали из хлевов коров и овец, собирая их в наибольшей части двора. Здесь большак снимал икону «Ягорья», которая всегда висела над дверью внутри двора. Все взятое с собой он размещал в решете в следующем порядке: первой в решето ставилась икона, верхний край которой — с грудь большака. Перед иконой лежал[и] каравашек с прикрепленной к нему зажженной свечой, яйцо и верба. Начинался трехкратный обход скота. Большак начинал его с определенного места. Обойдет стадо раз, дойдет до этого места, остановится, перекрестится и так все три раза, двигаясь по солнцу. Семья же в это время стояла у двери и молилась на «Егорья». Закончив обход, хозяин вешал икону на место над дверью. Каравашек ломали на части по числу животных и скармливали. После того семья отправлялась в избу обедать. Выгон скота из двора проходил по сигналу пастуха, который проходил деревней и трубил в трубу. Выгоняли скот освященными вербами, сгоняя его в условленное место. Когда скот был собран, его передавали пастуху, и тот начинал новый обход или, как говорят, «обходил его для себя, для своего порядка». Здесь повторялось почти то же самое, что уже имело место во дворе, именно: одетый в верхнюю одежду пастух без шапки, с топором за поясом, держал в руках решето, а в нем — хлеб, соль, яйцо, восковая свечка, икона «Ягорья». Обходил он стадо с определенного места, причем во время обхода никто в стаде находиться не мог. Хозяева животных стояли в качестве зрителей и следили, чтобы никто не попал в круг, который «клат пастух вокруг стада». Поэтому при приближении пастуха все отбегали от него прочь. Обойдет пастух стадо один раз, придет на то место, с которого начал обход, остановится, перекрестится и идет второй раз и третий, соблюдая те же правила. Закончив обход, пастух объявлял: «Ну, теперь расходитесь, дайте дорогу!». Все расходились. Дети собирали вербы, которыми пригоняли животных, относили их к реке и пускали на воду, «потому что они крапленые и нигде их бросить нельзя».

1948.

Обходы стада пастухом

Русские. Вологодская обл., Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор. Сообщила Жукова А. П.

«У нас в колхозе уже четыре года пасет стадо пастух — старик Николай Семенович. За все четыре года у него не было ни одной

утраты и потому, что он знает что-то. С ним ходят по череду ребята-подпаски, так он им говорит: «Коли увидите в стаде волка, вы только молчите, не кричите. Волк-то мне не страшен. Он ходит по стаду как сонный, ничего не видит. Но коль крикнешь, он проснется и почнет коров резать». Обходы он делает на трубу. Как затрубит, то коровы все вместе собираются. Вот в лесу у него коровы разбредутся, а он и не ищет их, а нужно, так в трубу затрубит, и коровы сбегутся к нему. Коль гонит коров да все время трубит, то коровы идут по траве в один ряд, как бы перед ними загорода какая: ни одна вперед не выйдет. Николай может взять отвод на корову тоже. Тогда эта корова все будет обходить стадо, все собирает его в одно место. Только он этого не делает, а то эта корова худая будет, ей некогда и ести.

Бывают люди знающие. У нас в Феневе жил мужик Серухин Василий, так он никогда коров во дворе не обходил и в обход к пастуху не пускал. Мужики его ругали, а то его коровы могли пастухову загороду поломать. Его коровы все по лесу одни ходили, и не одну он не потратил потому, что знающий был. Зато его коровы были самые гладкие и потому, что в лесу корма много, а там, где ходит стадо, — мало, коровы съедают и выбивают его».

Примечание. На вопрос, что же такое мог знать Серухин, который не боялся, что волки могут потратить его стадо, последовал ответ: «Он, наверно, знался с лесовым».

1948.

Народные поверья

Русские. Вологодская обл., Череповецкий район, Яргомжский с/с, д. 2-й Большой Двор. Сообщил Зверев Иван Андреевич.

Батюшко дворовой хозяин

Иван Андреевич начал свой рассказ с того, что смолоду он очень мало жил дома, так как все ездил в извоз на своих лошадях. Работая на лошадях, он и смотрел за ними, притом и тогда, когда приходилось жить дома. Без его разрешения никто не мог подойти к лошадям, тем более дать им корм. Один раз, рассказывал Иван Андреевич, вернувшись домой из поездки, он ушел на веселую беседу, где задержался до позднего времени. Зная, что без него никто лошадей не покормит, он отправился на сарайку, чтобы оттуда сбросить коням корм. Для этого взял с собой висевшую над столом лампу. Только стал подниматься с моста по лесенке и увидел, что его отец возвращается уже с сарайки в избу. Встретившись с отцом, он спросил его, не дал ли он корму лошадям, но тот ничего не ответил

и стал спускаться по лесенке вниз. Иван Андреевич посветил старикку, чтобы тот в темноте не упал и не ушибся, а сам все-таки пошел проверить, задан ли корм лошадям. Глянул он с сарайки вниз в стойла, а корма там и не оказалось. Рассердился Иван Андреевич на отца, который уже был здесь, а дать корм лошадям поленился. Сбросив вниз сено, Иван Андреевич вернулся в избу, повесил лампу на место и стал раздеваться. Тут-то с печи отец спросил его, поздно ли уже и дал ли он корм лошадям. Иван Андреевич зло ответил отцу: «Ты же видел, как я ходил, ведь на сарайке-то встретились!». «Что ты, парень, сказываешь! Я и с печи не слазил, да только что и проснулся!». Тут-то Иван Андреевич понял, что встретил он не отца, а батюшку дворового, который бывает похож на старшего в доме хозяина. Этот дворовый был даже и одет, как его отец, в синюю рубаху, белые исподние штаны и катанки (валенки).
1948.

Приложение

СПИСОК РАННИХ РАБОТ А. К. СУПИНСКОГО

1. С у п и н с к и й А. К. Очерк истории одежды у белорусов // Советская этнография. 1934. № 3. С. 105—106.
2. С у п и н с к и й А. К. Расовая теория в работах Д. К. Зеленина (Б. г., б. м.).
3. С у п и н с к и й А. К. Против дилетантизма, извращений и «левацких» уклонов в рецензиях (Б. г., б. м.).
4. По поводу рецензии К. Керножицкого и М. Гринблата в записках Белорусской академии наук за 1933 год (Б. г., б. м.).
5. С у п и н с к и й А. К. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде (К вопросу об их культовом происхождении) // Советская этнография. 1932. № 2. С. 102—136.
6. С у п и н с к и й А. К. Магільнік каля вёскі Лятох Віцебскага раіону ў акругі // Віцебшчына. Т. 1. Віцебск, 1925. С. 18—21.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые материалы об А. К. Супинском под названием «Историк и история» были опубликованы в газете «Речь» (г. Череповец, 21 сентября 1999 года, № 177 (20128)).

² В Череповецком краеведческом музее хранится пятизубая соха, найденная для Супинского в деревне Нова Н. И. Соколовым.

³ По свидетельству Полины Ивановны Соколовой, первая жена А. К. Супинского вынуждена была отречься от своего мужа.

⁴ Мне удалось обнаружить в хронике журнала «Советская этнография» за 1948 г. отчет о защите кандидатской диссертации Супинского 24 июня 1947 г.

⁵ По этой же причине (из-за дружбы с А. К. Супинским) не закончил обучение в институте и мой родственник, Николай Иванович Соколов.

⁶ Эти сведения не подтвердились при изучении личного дела Антона Казимировича Супинского (см.: Личное дело № 1814 архива РАН г. Санкт-Петербурга).

⁷ ИПИИ — Институт по изучению народов Советского Союза. Впоследствии переименован в Институт этнографии, 1933 г.

⁸ В Санкт-Петербурге в Институте этнографии РАН в беседе с И. В. Жуковской удалось установить, что аналогичные материалы хранятся и в архивах отдела славянской этнографии. Они были приобретены институтом у родственников Супинского после его смерти. Хранящиеся материалы не были опубликованы ни при жизни Антона Казимировича, ни в последующее время.

⁹ «В языке населения термин «колос» относится только к колосьям ржи, пшеницы и ячменя. К овсу он не относится» (примечание А. К. Супинского).

¹⁰ «Свеча от иконы» изготовлялась перед Рождеством. Она делалась довольно большой и толстой. С этой свечой стояли в церкви на Рождество, в Крещенский сочельник, на малом водосвятии, в пятницу и в субботу на Страстной неделе и в Пасху» (примечание Супинского).